

Похоронить Билла

К хозяевам загородного дома-дачи, где я в последнее время квартировал, эта собака попала, можно сказать, случайно.

А дело было так. У их знакомых жила в доме хорошая породистая немецкая овчарка, в которой семья души не чаяла. Была она, как это часто водится, вышколенной медалисткой, любила возиться с детьми, не докучала владельцам, а потому, чтобы животное не скучало в одиночестве в душевной городской квартире, те почти всегда брали его с собой на загородную дачу.

Там она тоже вела себя примерно, не задирала без надобности соседей, а, чинно прохаживаясь по садовому участку, обнюхивала все углы и зорко следила за порядком.

Но была она, так сказать, особой женского рода, то бишь сукой. Хотя это слово затрёпано в последнее время до такой степени, что в тех же газетах нынче только и читаешь в объявлениях, что продаётся или отдаётся в хорошие руки щенок хорошей породы, «девочка»... Ну какая же это девочка применительно к собаке?

Впрочем, оставим разбираться в этом лингвистам, а я как говорил на собак с детства по их половому признаку «кобель» или «сука», так и буду продолжать говорить. Если у кого и есть претензии ко мне по этому поводу, то я их отсылаю к составителю «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимиру Ивановичу Далю: разбейтесь с ним, я тут ни при чём.

Так вот, в один из таких приездов на дачный массив хозяева немецкой овчарки заметили, что она по прибытии на место почему-то всё чаще поглядывает на лежащий за околлицей сосновый лес, который, как известно, тянется у нас от каждой дачи, с небольшими перерывами, до самого Тихого океана.

И, улучив момент, когда хозяева отвлеклись, послушная и вышколенная собака пропала...

А дело было ранней весной, дома за городом ещё стояли в снегу, закрытыми и заколоченными, так что владельцы собаки сначала особенно не встревожились. Ну, возникли, подумали они, у бедняжки извечные женские проблемы, побегает немного, порыскает в поисках кобеля, да и вернётся обратно. Пока что других собак здесь нет, беспокоиться нечего. Породу никто не испортит...

А вышло всё по-другому. Как — теперь это уже не скажет никто, но я попытаюсь пофантазировать. В то время как озабоченная и полностью готовая к вязке сука, перемахнув через невысокий забор, устремилась в лес, там же волею судеб оказался в это время и заметно оголодавший за зиму серый хищник. И не «мальчик» какой-то, а самый настоящий волк. Который забрёл на городскую окраину в поисках пищи.

Ну, если бы он увидел приближающегося к себе в лесу пса, то есть кобеля, участь последнего была бы незавидной. Шансов остаться живым у него бы не было.

А тут — сука, чистая, породистая... Это его заинтересовало. И, на секунду позабыв про голод, он, фыркая от возбуждения носом, бросился ей навстречу.

Когда-то в свои детские годы я уже встречался с подобным случаем, как-то попал на остров Хортица в Запорожье, куда в специально оборудованный загон привозили из окрестных сёл для спаривания с дикими кабанями больших и, как сейчас помню, ослепительно белых свиноматок.

Этот загон и сейчас стоит у меня перед глазами. Что-то похожее на лабиринт из толстенных дубовых досок, где специально отловленные для такого случая егерями в близлежащих дубравах кабаны уже поджидали своих «невест».

И когда тех выгружали из машин, на кабанов страшно было смотреть. В отличие от чистеньких свиноматок, все они были заросшие и «небритые», в грязи, от них плохо пахло. Однако, почувствовав запах одомашненных избранниц, они иступлённо бросались на дубовые доски, загораживающие проход, разбивали себе в кровь носы, тряслись, как от тропической лихорадки.

— Вот что природа с хряками вытворяет, — довольно усмехнулся огромный, сам как кабан, егерь, приоткрывая на мгновение дубовый притвор для очередного счастливчика.

И тот, получив свободу, тут же бросался в соседнюю загородку, где его ждала очередная «красавица».

А делалось всё это, как мне потом пояснили, с одной только целью: восстановить естественный,

то есть природный, ход размножения животных. Иначе одомашненные свиньи через какое-то время утрачивали способность давать полноценное с биологической точки зрения потомство, и, чтобы не плодить двухголовых подсвинков, надо было пустить свежую кровь.

Вот её и пускали...

Так что, думается мне, и в том сосновом лесу, о котором я говорю, произошло нечто подобное. Во всяком случае, вскоре образцово воспитанная овчарка разродилась — уже на городской квартире в Красноярске — целой плеядой щенков, которых хозяева, дабы не портить её родословную, быстро разбросали по своим знакомым.

Один из них, названный Биллом — видимо, в честь появившегося у нас тогда фильма известного американского режиссёра Квентино Тарантино «Убить Билла», — как раз и попал ещё к одним знакомым, более близким, чем прежние.

И вот тут-то его история становится для меня более известной. Чёрный на редкость щенок, кроме окраса матери, больше от неё не унаследовал ничего. Даже покормить его и то было проблемой. К себе он никого не подпускал, даже хозяина дома, а, забившись в угол, тихо рычал в ответ на любое обращение.

— Зверюга, да и только, — хмурились его новые хозяева. — А у нас дети...

Между тем щенок подрастал, но характер его не менялся. И тогда хозяева предложили забрать эту собаку моим знакомым, с дома которого я и начал своё повествование. Правда, посоветовав им предварительно соорудить для Билла загон, так как неизвестно, как он поведёт себя после городской квартиры.

Загон соорудили, причём использовали для этого самые надёжные материалы. К огромной стайке, где планировалось держать собаку, пристроили железную загородку из кроватных панцирных сеток, толстых труб, металлических уголков. Не только собаку, но и тигра можно было запускать.

Но когда Билла, с огромными трудами доставленного на новое место жительства, попробовали было по новой «приручить», поняли, что это бесполезный номер. Зайти к нему было невозможно, на контакт ни с кем он не шёл.

Даже еду ему бросали через загородку — по-другому накормить собаку было нельзя.

А между тем он постепенно превращался в огромного и красивого чёрного пса. Он зорко следил за всеми из своего укрытия и время от времени обнажал свои пятисантиметровые клыки.

Вот уж действительно права народная мудрость: сколько волка ни корми, а он в лес смотрит...

В лес он и смотрел, тем более что огромные ветки реликтовых сосен свисали к нему прямо из-за забора.

— Ну, что будем делать? — созвали семейный совет хозяева. — Это же какая-то зверюга, а не собака. Держать взаперти всё время не будешь, да и убирать после него надо. И дерево в стайке погрыз. Чем всё это кончится? А если он выскочит? Даже детей к себе не подпускает...

В общем, пришли к единогласному выводу: собаку надо усыплять. С таким злобным животным человеку не ужиться.

На другой день вызвали ветеринаров. А когда те прибыли на место, подошли вместе с ними к загородке.

По своему обыкновению, при новых людях Билл злобно зарычал, недобро посмотрел на пришедших, а затем улёгся в своём углу и внимательно стал следить за всеми отливающими желтизной глазами.

— Он что у вас, не лаёт? — спросил, доставая шприцы, один из ветеринаров (их было двое).

— Не-э. Только рычит...

— И правильно, это же не дворняжка, — поправил его второй. — Породистый пёс...

Оба ветеринара несколько раз обошли загон, как бы примеряясь, с чего начать. И всё это время Билл пристально следил за ними, не поворачивая головы.

Конечно, он понимал, что речь сейчас идёт о нём, но то, что в этот момент решается его жизнь, — думаю, вряд ли. Это было бы уже слишком.

Однако, видимо, духовное напряжение людей передалось и собаке.

Он наконец-то вскочил, снова злобно зарычал, и снова оскалил свой клыкастый рот.

— Эка, какой красавец! — восхищённо воскликнул один из ветеринаров, залюбовавшись собакой. — Вы посмотрите, какая стать, какая холка! И вам его не жалко? — повернулся он к хозяйке.

— Жалко, — едва не плача, ответила та. — Так ведь не подпускает он к себе, рычит... А к нам дети приезжают. Страшно.

— Да это, наверное, пока... Перерастёт, наберётся ума. Не может быть, чтобы такая собака была глупой. Может, всё-таки подождём с усыплением? Дадим ему шанс?

— Давайте подождём, — легко согласилась хозяйка, видя, что и сам Билл напряжённо прислушивается к их разговору, как будто что-то там понимая.

Ветеринары ещё какое-то время попереминались с ноги на ногу, а потом уехали, остановившись на том, что если характер у пса в течение ближайшего времени не изменится, то они придут опять и уж тогда точно усыпят эту собаку без разговоров.

И Билла с этого момента словно подменили. Нет, он не стал, понятно, комнатной собачкой, которых заводят сейчас в наших семьях вместо детей, чтоб не скучно было смотреть телевизор. Но рычать перестал. А затем признал за своих не только хозяев загородного дома-дачи, но и их ближайших родственников. Отца и сына хозяйки, её двоюродного брата...

Его начали выпускать из-за загородки, и он стал спокойно расхаживать по дачному участку, тщательно выбирая тропинки между грядками, чтобы не затоптать рассаду.

Отец хозяйки, или дедушка, как его все называли, купил в магазине кожаный намордник, крепкий, нервущийся поводок, и теперь его стали во всей этой собачьей амуниции выводить в лес.

Встречая там по дороге незнакомых—грибников или просто гуляющих людей, пёс напрягался, громко сопел, тянул в эту сторону поводок, но, не встречая одобрения со стороны людей, всё-таки давал всем расходиться мирно. А может, это материнская выучка и культура брали своё.

И только тогда, когда к хозяевам приезжали новые гости или на участке либо поблизости от него появлялись люди, которых пёс не любил, а это были все без исключения соседи, то его опять загоняли в загородку, откуда грозное рычание отбивало любую охоту заигрывать с собакой.

Вот в один из таких дней я и появился в этом доме.

Это был тёплый и очень солнечный день, когда даже сидеть на веранде загородного дома считается преступлением. Прямо во дворе стояли накрытые, богато сервированные столы, за которыми чинно восседали уже изрядно подпившие бывшие и нынешние эскулапы—в России отмечался День медицинского работника.

Я сидел лицом к собачьей загородке, она была метрах в десяти от меня, и поначалу не обращал на неё никакого внимания.

Однако по мере того, как один за другим следовали тосты за процветание нашего отечественного здравоохранения, и хочешь не хочешь, а надо было выпивать, нет-нет да и стал поглядывать в эту сторону.

И наконец, разгорячённый алкоголем, поинтересовался у хозяев: а почему они держат в такую жару взаперти собаку?

Они мне и рассказали историю, которую я, как мог, изложил выше.

— Да ну?— удивился я.— От настоящего волка? Это интересно...

И попросил выпустить из загородки собаку: зачем её в такую погоду мучить?

— А не боишься?— съехидничал сын хозяйки, тоже будучи в хорошем подпитии.

— Не боюсь. Меня собаки не кусают...

Тут я, конечно, слукавил: один раз меня соседская собачка по кличке Жулька всё-таки цапнула за живот. Было это ещё в первые послевоенные годы, когда мы жили на Украине, в Запорожье, о котором я уже упомянул, где вернувшийся с фронта отец построил на окраине города дом и мы начали его обживать.

Впрочем, хозяйственными делами занимались взрослые, а мы, ребята, собравшись в ораву, с утра и до вечера носились по улице, коротая время. Ну и заходя «по ребячьим делам» то к одному, то к другому приятелю.

Умоего ближайшего соседа по фамилии Петров (мы его звали Печа) сторожила двор небольшая, чёрного цвета, собачка, которую все звали Жулька.

Печа зачем-то отлучился в дом, а я от нечего делать приблизился к собаке.

Однако, на моё несчастье, Жульке перед этим дали еду, и она, обычно дружелюбная и ласковая, быстро уплетала что-то из миски, не обращая на меня никакого внимания.

В такие минуты находящихся на цепи собак лучше не трогать: еда для них—священный ритуал.

Я же почему-то забылся и пренебрёг этим золотым правилом. Приблизившись почти вплотную к собаке, протянул руку, чтобы её погладить.

И в этот момент обычно дружелюбная и ласковая Жулька, мгновенно оторвавшись от миски, повернулась ко мне и больно цапнула за обнажённый живот—дело было летом, и я ходил по улице в одних трусах.

Было очень больно, и я закричал.

Перепуганная Жулька, бросив еду, быстро спряталась в собачьей будке. Но появившиеся на мой крик взрослые вскоре извлекли её оттуда обратно. И, отрезав у ничего не понимающей собаки кусочек собачьего хвоста, тут же его сожгли и ещё не до конца остывшим пеплом присыпали у меня на животе ранку.

Почему-то тогда считалось, что это наилучшее средство против бешенства и столбняка. Ну не ездить же из-за такого пустяка по больницам?

Всё это мигмом пронеслось в моей голове, когда я услышал короткое Мишино слово (так звали сына хозяйки):

— Ну смотрите...

И он пошёл открывать загородку.

Все сразу же повернулись в нашу сторону. Раздались протестующие голоса: с ума, что ли, сошли? зачем это? он же порвёт!

Стали отговаривать и меня: бегите скорее на кухню, это опасно...

Но я уже хорошенько выпил, настроение у меня было праздничным, а в таком состоянии, как говорится, русскому человеку и море по колено.

Тем временем дверь загородки отворилась, и все разговоры за столами смолкли. Теперь все сидящие за ними люди неотрывно смотрели только на Билла.

А он, получив свободу, повёл себя не как дворняжка, сразу же бросившаяся на незнакомое человека с лаем, а как настоящий хозяин положения. Словно понимая, что мне теперь никуда уже не деться и что я сейчас нахожусь в его полной власти.

Огромная чёрная собака с хищно обнажёнными клыками медленно приближалась ко мне по бетонной садовой дорожке, и пёс шёл не прямо, а как бы зигзагами, не отводя от меня своих отливающих желтизной глаз. Хвост его был прижат, ноздри от возбуждения дрожали, а уши торчали над головой, как две негнущиеся палки.

Признаюсь, что мне стало не по себе.

«Никогда не бойся собаки, — пришли на память отцовские слова, сказанные ещё в детстве, как раз после того случая с Жулкой, хотя я её нисколько не боялся, а хотел, наоборот, погладить. — Собака всегда нападает на того, кто её боится».

Но что значит не боясь, когда к тебе приближается, и явно с недобрыми намерениями, такой зверь? Конечно же, я изрядно струснул, хотя внешне это никак не проявлялось. Что-что, а это я умею...

Помнится, как в свои студенческие годы, будучи командиром отряда на обязательной тогда осенней картошке, я зазевался малость и не отступил вовремя в сторону от лошади, на которой ездил верхом. И на виду у половины отряда торопившаяся в конюшню лошадь, у которой там был жеребёнок, которого, видимо, пришла пора кормить, со всего размаху наступила мне задней ногой на ногу. Народ так и ахнул! А я, хоть и с трудом, высвободил свой сапог из-под копыта, легко вскочил в седло и проскакал как ни в чём не бывало по просёлочной дороге. Тоже невидаль какая — наступила лошадь на ногу! И только тогда, когда я въехал в небольшой сосновый лесок и никто уже меня видеть не мог, я слез с коня, привязал его к дереву, а сам, с трудом сняв доставшийся мне ещё в армии кирзовый сапог, принялся растирать руками, морщась от боли, багровую лодыжку.

Но там уже всё было позади, а тут пёс идёт прямо на меня, и ничего хорошего мне это не сулит. Я тоже, не отрываясь, смотрел в глаза приближающейся собаке и словно внушал ей, что мы с ней друзья и что нам друг от друга ничего не надо.

А между тем расстояние от меня до Билла сократилось до полутора-двух метров, и он обескураженно остановился.

Он, видимо, рассчитывал, что я испугаюсь его грозного вида и брошусь бежать, и тогда его пятисантиметровые клыки аппетитно вонзятся мне в икры или в другие удобные места и он полностью насладится своим превосходством.

А я как сидел, так и сижу — вальяжно, откинувшись на стуле, не обращая на его грозный вид особого внимания.

Такое, видимо, он встречал впервые.

И тут я, видя минутное замешательство собаки, взял со стола плохо объеденную куриную кость и протянул собаке:

— На, возьми! И не смотри на меня так, как словно Ленин смотрит на буржуазию...

Пёс, как мне показалось, на мгновение даже отпрянул.

При желании он мог бы вполне отхватить мою руку по локоть, но что-то помешало ему это сделать. И я увидел, как жёлтые фонарики в его настороженных глазах, вспыхнув по-особому, вдруг погасли.

Наверное, в эту секунду Билл во мне признал себе равного.

И, взяв осторожно из моей руки косточку, с хрустом её перекусил, подобрал кусочки с земли, а затем подошёл к моему стулу и устроился поудобней в тени, растянувшись во всю длину. А потом положил свою голову на лапы.

На меня он даже не посмотрел...

Зато за столами поднялся невообразимый шум: да вы, наверное, гипнозом обладаете? как вам это удалось? что за приёмы вы знаете? это же чудо, он никого из чужих к себе не подпускает...

А я в ответ только довольно усмехался. Руки-ноги у меня целые, чего мне теперь бояться?..

И, повернувшись к лежащей рядом собаке, я всё же осторожно потрепал Билла за ухо. Так ведь?

А тот, оторвавшись на мгновение от дремы, лизнул мою руку в ответ.

И с этого дня мы с ним стали настоящими друзьями.

Вот тут я, по условиям жанра, должен вести своё повествование дальше, а только в конце затем перейти к обозначенной в заголовке теме. Но я отойду на этот раз от более выигрышной кольцевой композиции, к которой не раз прибегал в прежние времена и знаю, насколько она эффективна для читателя. А перескочу на десяток лет вперёд и расскажу о том, как тяжело и тягостно умирал Билл.

К тому времени ему уже исполнилось четырнадцать лет, что для такой огромной собаки было немало, даже учитывая хороший корм и уход.

Я по-прежнему выгуливал её в близлежащем сосновом лесу, но стал замечать, что когда мы возвращаемся домой, ноги у Билла начинают заплетаться и он как-то неуверенно ступает по хорошо утоптанной дороге.

Вскоре это заметила и хозяйка.

— По-моему, его укусил клещ, — поставила она свой диагноз.

— Вот именно, — не стал с нею спорить я. — Только клещ этот называется старость...

И Билл стал таять буквально на глазах.

В иные дни казалось, что он слабеет не по дням, а по часам. Вот уже и ходить ему стало трудно, и мы прекратили свои прогулки по лесу, а просто прогуливались по садовому участку.

Потом и это ему стало не по силам. Билл теперь часами лежал на одном месте, а потом с трудом переползал на другое.

Наступило время, и он полностью перестал есть. Уж что ему не предлагали — и сырое мясо, и собачий сухой корм, и молочко...

Посмотрит и... отвернётся.

Так прошли две последние собачьи недели.

А затем наступило очередное воскресенье, когда мы, позавтракав, решили уезжать в город, и я, уже переодевшись, сидел и ждал, когда хозяйка дачи перемоет посуду.

Она с этим управилась, а затем, выйдя на минуту во двор, вернулась обратно вся в слезах.

— Иди в стайку, Билл умирает...

Я машинально смахнул со стола куриные кости, которые хотел было оставить подле собаки, когда мы уедем, и вышел из дома.

Билл лежал на том же месте, где я его видел ещё со вчерашнего вечера, и тяжело дышал. Чувствовалось, что долго он не протянет.

— Ну Билл, Билл, — чуть слышно прошептал я, склонившись над собакой и глядя её прижатые к туловищу уши. — Ну держись, браток, держись...

Пёс почувствовал мордой капнувшие на него сверху слёзы и слегка приоткрыл свои тяжёлые веки. Оторвать от земли голову у него уже не было сил...

А я, чтобы не разрыдаться, как ребёнок, в голос, вытирая из припасённых ранее куриных косточек обглоданную берцовую кость и положил её перед носом лежащей неподвижно собаки. Точь-в-точь такую же, как это было в день нашего с ним знакомства.

И то ли слабый куриный запах, то ли ещё что подействовало на загуманенное близкой кончиной собачье сознание, но умирающий пёс дёрнулся всем телом, вздрогнул и, наконец, широко открыл глаза.

И посмотрел на меня так, как смотрит мать в своего больного ребёнка.

Я видел, как в его больших жёлтых глазах мелькнуло что-то похожее на усмешку, потом на них навернулась слеза, и пёс затих.

Затем он сделал ещё одно судорожное движение, дёрнулся лапами и испустил дух...

— Ну что там? — спросила хозяйка, вытирая своё лицо, когда я зашёл в дом.

— Всё. Билла больше нет...

Правда, всё это произойдёт с десяток лет позже, потом, а пока Билл, после нашего с ним знакомства, ходил за мной, не отставая. Я иду на огород поковыряться на грядках — и он рядом со мной. Уляжется на тропинке и ждёт терпеливо, пока я закончу свои дела. Чтобы потом, прижавшись к ноге, снова следовать неотступно за мной.

По уже заведённому порядку, собаку ежедневно несколько раз выгуливали в лесу, и этим занимался один только дедушка. Но дедушке уже пошёл девятый десяток, и вскоре эта обязанность перешла ко мне.

Набросив на морду Билла крепкий кожаный поводок, я прихватывал заодно полиэтиленовый пакет, перочинный нож, и мы отправлялись с ним на пару в близлежащий сосновый лес «по грибы». А их, несмотря на близость к деревне, при желании можно набрать немало.

Так что, пока Билл справлял в лесу свои естественные надобности, я успевал нарезать для жарки маслят, сыроежек, волнушек, а если повезёт, то и пропущенных кем-то груздей на засолку.

И каждый раз Билл терпеливо ждал, когда я там разберусь с очередным грибом, и не тянул меня идти дальше.

Хотя ходить с ним было нелегко...

Как-то однажды после дождя, надев на собаку поводок, я открыл на участке входную калитку и, к своему ужасу, увидел прямо перед собой, метрах в десяти, представителя одной из среднеазиатских республик. В руках он держал кирпичи, уложенные стопкой, и был занят у наших соседей на каких-то строительных работах.

Увидев прямо перед собой большую и крепкую собаку, он так и застыл со своими кирпичами на руках.

А Билл тоже его увидел!

Уж и не знаю, что бы произошло потом, если бы я не держал поводок крепко. Пёс при виде азиата даже не зарычал, а как-то взвизгнул по-особому и во всю мощь своих крепких собачьих лап бросился ему навстречу.

Я пытался его удержать, но в своей резиновой обуви, словно по снежному насту, заскользил вслед за ним по мокрой земле.

Остановить собаку в такой момент было невозможно!

Спас нас от крупных неприятностей автомобиль, припаркованный по дороге. Я каким-то образом изловчился и буквально рухнул на его капот, краем глаза видя, как незадачливый работник, освободившись, наконец, от кирпича, стрелой бросился к распахнутым воротам, ведущим в соседский дворик.

Фух, пронесло...

Однако по мере наших ежедневных путешествий по лесу Билл стал более терпимо относиться к незнакомцам, особенно если они встречались нам далеко от дома.

Видимо, стал со временем понимать, что всех подряд не перегрызёшь...

И как-то так получилось, что я, уверовав в этот несомненный прогресс в его воспитании, однажды решился на крайность — отпустил его в лесу побегать на свободе, без поводка.

И Билл, безусловно, оценил моё доверие. Пьянея от полученной свободы, он бегал вокруг меня, пока я занимался грибами, как паинька, не далее чем пяти метрах. И даже если нам попадалась навстречу какая-то бабка с лукошком, он практически

не обращал на неё никакого внимания. А только настроит свои уши торчком и вопросительно смотрит на меня: разорвём?

— И не думай!— на всякий случай осаживаю я его и недвусмысленно цепляюсь за его холку.

И пёс огорчённо под моей рукой затихал...

Как вдруг однажды в одну из таких прогулок я не заметил его рядом. То ли увлёкся грибами, то ли пёс отбежал чуть подалее обычного.

Я ему скомандовал:

— Ко мне!

Но Билл на мой зов не появился.

И тогда я встревожился по-настоящему. И стал подзывать к себе собаку, делая бесполезные круги по лесу.

Собака исчезла.

«Наверное, ему надоело, и он вернулся домой»,— подумал я с надеждой и сам заспешил обратно.

«Нужны ему мои грибы,— успокаивал я себя по дороге.— Устал, конечно...»

Но как он вернётся домой, если калитка там закрыта? Хоть бы не вышло чего...

Но и дома Билла не оказалось.

Конечно, меня тут же стали ругать за мои вольности с собакой: нечего, мол, идти у неё на поводу, надо держаться на поводке. Дедушка ведь его не отпускал...

Я обозлился и снова пошёл туда, где мы потерялись. И снова стал ходить между соснами, тщетно подзывая к себе Билла.

Безрезультатно: собаки и след простыл.

Опять вернулся домой, а потом снова вернулся в лес. И возобновил свои поиски. Я уже стал готовиться к самому худшему: убежал, мол, мой пёс, взыграли отцовские гены,— но тут вдруг заметил почти рядом со мной за кустами знакомое чёрное пятно.

— Билл!

Никакой реакции.

Шагнул за кусты— и вижу своего пса, лежащего на траве и внимательно наблюдающего за мной: что, мол, я буду делать?

— Ах ты, подлец, ах ты, паразит!— вскипел я.— Так это ты за мной наблюдаешь, а не я за тобой? Я уже почти три часа бегаю по лесу: «Билл, Билл»,— а ты прячешься за кустами и смотришь, что я буду делать? Ну кто ты после этого?

Я решительно набросил на него поводок и, пока мы шли домой, отчитывал его, как нашкодившего школьника.

И больше с него поводок уже никогда не снимал...

А Билл привязывался ко мне всё больше и больше. Это задевало, как я замечал, и его настоящих владельцев, обижавшихся на собачью неблагодарность. Мол, мы тебе и кашу варим, и косточки покупаем, а ты к чужому человеку, считай, привязался и ходишь за ним, как нитка за иголкой.

Билл равнодушно отмахивался от всех хвостом и делал вид, что это его не касается. Своих призывков он не менял.

Наверное, он просто ждал по-собачьи, так я думаю уже сейчас, что кто-то придёт за ним из леса, и когда на участке появился я, решил, что его ожидания оправдались.

И не дай Бог теперь, если на этого человека кто-то повысит голос! Тогда холка у Билла становилась колом, и он в качестве неоспоримого аргумента в любом споре обнажал свои огромные желтоватые клыки.

Поэтому, когда наши разговоры заходили в тупик и мы, несмотря на все старания, никак не могли выяснить, кто, скажем, больше принёс вреда России— Ельцин или Путин, я как бы в шутку всегда снижал градус спора ссылкой на Билла: а давайте, мол, выйдем во двор и спросим про это у собаки.

И все замолкали. Потому что у Билла правым мог быть только я...

И вот этой собаки не стало. Я снова снял с себя городскую одежду, переоделся в рабочие штаны, прихватив лопату с топором, пошёл всё в тот же близлежащий лесок— искать последнее пристанище для Билла. Который в это время по-прежнему лежал, наполовину высунувшись из стайки,— сдвинуть его в какое-нибудь другое место у меня одного просто не хватило бы сил.

А хозяйка между тем, «сев на телефон», тщетно пыталась найти мне помощника, так как похоронить одному такую тяжёлую собаку было практически невозможно.

Но было воскресенье, в это время кто был в отъезде, кто в гостях, ничего у неё не получалось.

Я же тем временем нашёл в лесу небольшую прогалинку, прикинул мысленно габариты собаки и что есть силы вгрызся в землю. Сильно докучали комары, которые просто облепили мои мокрые шею и лицо, но я не обращал на них внимания.

Копать было тяжело, мешали корни, поэтому я сначала обрубал их топором и только потом брался за лопату.

И когда яма стала мне по грудь, решил, что хватит: не человек же это, в конце-то концов!

Дома меня ждало неприятное известие: помощников мне найти не удалось. Как быть?

— И Рафаила нет? Он что, в городе?

Это я спросил про наших ближайших соседей через забор, уже оформивших документы на переезд на постоянное местожительство в Израиль и доживающих последние дни на даче.

— Сейчас узнаю.

Она вышла во двор и через минуту вернулась обратно:

— Он здесь. Сейчас придёт и тебе поможет.

Рафаил, или, как мы его называли между собой, Рафик, действительно появился быстро. И мы с ним, посовещавшись с минутой, с огромным трудом переместили туловище собаки на расстеленное на земле одеяло...

Ну и вес, однако! Две последних недели, считай, собака ничего не ела, а два мужика управиться не могут.

Впрочем, здоровым из мужиков был только я, а Рафаил потому и уезжал в Израиль на пмж, что наши врачи обнаружили у него какой-то скрытый порок сердца, и чтобы вернуть его к полноценной жизни, нужна была срочная операция.

Делать её в России никто не брался. А потому семья, плюнув на всё, сидела в последние дни на чемоданах.

Так что помощник у меня был, но не очень-то подходящий для такого дела, как похороны собаки. — Ну что, Рафик, понесём? — обратился я к нему. — Понесём, — бодро ответил он.

И мы понесли. Я взял одеяло с той стороны, где лежала голова Билла — она была тяжелее, а Рафику достались задние ноги и хвост.

С горем пополам мы выбрались через открытые ворота на тропинку, ведущую в глубь леса. Хозяйка шла рядом и несла лопату.

Идти было нелегко — собака действительно была очень тяжёлой. Вытянувшись на одеяле в свой полутораметровый рост, Билл тыкался мне оскаленной мордой в ногу, как бы торопя идти побыстрее.

Но как тут пойдёшь быстрее, когда слышишь позади такие хрипы?

Оглянулся, а на Рафике лица нет — одно багровое пятно на его месте!

«Как бы мне не пришлось ещё одну яму рыть в лесу, рядом с собачьей», — горько подумал я и остановился.

— Передохнём?

— Передохнём...

Мы передохнули, а потом потащили свою ношу дальше и всё же доставили её до выкопанной мною в лесу ямы. Постояли с минутой на её краю, отдохнули...

— Помоги мне его спустить вниз и уходи, — повернулся я Рафаилу. — Остальное я всё сделаю сам...

Рафик в ответ благодарно кивнул, и с большим трудом мы с ним осторожно опустили вниз бездыханного Билла.

А затем я набросал сверху на него свеженарубленных сосновых веток и заработал лопатой...

Могильный холмик получился у меня на загляденье. Особенно когда хозяйка собаки установила в его изголовье перевёрнутую кверху миску, из которой Билл ел. Чем-то она мне напомнила издали солдатскую каску.

Но Билл, конечно, никаким солдатом не был и подвигов не совершал. А был он обыкновенным

волкособом, рождённым от волка и немецкой овчарки.

И если есть где-то там, на небесах, бог Маниту, как считают североамериканские индейцы, присматривающий за всем живым на нашей Земле, то я абсолютно убеждён, что найдётся в его окружении местечко и для моего Билла.

За его преданность, за его верность.

И сейчас я, например, явственно представляю, как он лежит там на густой и зелёной траве и как внимательно следит за тем, что я о нём пишу.

Да не сердись ты, глупая псина! Я всё написал так, как оно и было.

Отличник соревнования

Недавно еду автобусом по своим делам в Красноярске и от нечего делать рассматриваю остановки за окном. Когда-то отсюда взлетали самолёты и набирали высоту прямо у меня над головой в рабочем кабинете в центре города, а теперь вокруг новостройки, высотные дома...

И вдруг попадаете на глаза табличка: «Улица Ломако»...

Как? Ломако? Того самого Петра Фадеевича Ломако?

И тут же волна воспоминаний захлёстывает с головой, и я мгновенно переношусь в конец восьмидесятых годов прошлого века, когда жил и работал на Украине, какое-то время редактируя газету «Нова техніка» (на украинском языке), выходившую на Запорожском титано-магниевом комбинате.

Весёлые были времена, особенно если учесть, что в ту пору Украина была, пожалуй, самой коммунистической республикой в Советском Союзе, если не считать, конечно, гостеприимного Кавказа и сверхбогатого на славословия Средне-Азиатского региона.

Во всяком случае, именно по этой самой причине меня опять потянуло на север, так как находиться долго в такой затхлой и лицемерной атмосфере было просто невозможно.

Но сейчас я не об этом.

Совещание шло своим ходом, и я весело перекидывался шутками с рядом сидящими коллегами, съехавшимися со всех уголков тогда действительно необъятной страны в Москву на совещание, в просторный актовый зал Министерства цветной металлургии СССР. Как вдруг чувствую, что что-то в зале произошло и все поворачиваются в мою сторону.

И тут я отчётливо услышал из уст ведущего встречу вторично произнесённую мою фамилию.

Я? Выступить? А почему меня об этом не предупредили? И по какому вопросу?

Однако народ уже зашумел, загудел, затолкал меня ладошками в бока, подталкивая к выходу из ряда плотно припаянных друг к другу кресел,

и волей-неволей пришлось подчиниться. Я стал пробираться к проходу, в панике прокручивая в голове возможные варианты своей предстоящей речи.

Но в голову ничего путного не приходило, и надо сказать, что я впервые по-настоящему растерялся. Особенно когда увидел по дороге к трибуне сидящего в центре президиума за столом седовлатого министра цветной металлургии, фамилию которого в нашем доме даже мой отец, всю жизнь, с перерывами на войну, проработавший в чёрной металлургии, на заводе «Запорожсталь», произносил с благоговением.

Пётр Фадеевич Ломако!

Но сначала небольшая справка об этом человеке, так как нынешнее «егэшное» образование в наших школах давно уничтожило память не только о легендарных сталинских стройках, советских полководцах, но и о его наркомках.

Итак, Ломако. Родился Пётр Фадеевич Ломако в 1904 году в городе Темрюк на Кубани. И это был действительно великий советский государственный деятель, нарком и министр, руководитель цветной металлургии СССР, специалист в области цветной металлургии, Герой Социалистического Труда.

По продолжительности служения на министерских постах — более сорока шести лет (с июля 1940 по октябрь 1986 года с перерывами) — он не имел себе равных в мире, поэтому в 1988 году его имя было занесено в Книгу рекордов Гиннеса.

Кем он только за свою жизнь не служил! И начальником Главка алюминиевой, магниевой и электродной промышленности, и заместителем наркома цветной металлургии СССР и наркомом, министром цветной металлургии СССР!

А во время Великой Отечественной войны именно он руководил эвакуацией предприятий на Урал, организацией там производства, а после войны — восстановлением разрушенного хозяйства.

Приложил он свою руку и к так называемому атомному проекту. Ещё в 1942 году Сталин подписал распоряжение ГКО «Об организации работ по урану», и в соответствии с этим документом П. Ф. Ломако лично курировал поставки продукции своего ведомства в адрес лаборатории атомного ядра.

А в конце 1944 года он был назначен ответственным за передачу добычи урановой руды из подчинения Наркомцветмета в ведение НКВД СССР.

Под руководством и при непосредственном участии П. Ф. Ломако в нашей стране была значительно расширена номенклатура выпуска ряда не производившихся ранее цветных, редких и драгоценных металлов, сплавов и изделий из них, начата широкомасштабная добыча алмазов (в Якутии), освоен выпуск титана, полупроводниковых и специальных углеродных материалов.

А также освоены десятки новых месторождений руд цветных металлов в различных районах Советского Союза и в рекордные сроки построены предприятия по производству цветных металлов в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, на Украине, в республиках Закавказья.

Создана крупная база производства алюминия в Сибири (Новокузнецк, Иркутск, Красноярск, Братск, Ачинск, Саяногорск), при этом все заводы твёрдосплавной промышленности были возведены практически заново.

Что я могу сказать ему, этому человеку, у которого только орденов Ленина — семь (!), а если их все, вместе с медалями, развесить на парадном пиджаке, то даже рядом с маршалом Победы Георгием Константиновичем Жуковым он бы выглядел вполне достойно. Что он хочет услышать от меня, редактора заводской газеты?

Однако же вот она и трибуна, и я уверенно занимаю её с нужной стороны. И начинаю говорить.

Что я говорил и о чём, вылетело из памяти напрочь. Но уж точно не о достижениях Запорожского титано-магниевого комбината (зачем ему это, он это знал лучше меня!) и не о социалистическом соревновании в честь какого-нибудь очередного исторического события, которыми так была богата тогдашняя жизнь.

Помню, что я вдруг остановился в своём спонтанном выступлении на таком довольно скользком вопросе для многих, как государственная тайна.

В том, что она нужна и оправданна, у меня не было никаких сомнений, но в таких ли размерах? Скажем, на том же титано-магниевом комбинате в Запорожье, помимо титана и магния, как следует из названия предприятия, производились, и притом в огромных количествах, такие редкоземельные металлы, как германий и кремний.

Титан шёл, как мы догадывались, на корпуса строящихся тогда атомных субмарин, магний — на самолёты, а вот германий и кремний с успехом использовались в космической технике, в радиоэлектронике.

Но по заведённому кем-то порядку в заводской печати категорически не разрешалось даже упоминать о таком производстве!

Самое большое, на что шла в таких условиях цензура, или лит, как мы её между собой называли, — это указывать проценты.

Вот мы и писали эзоповским языком: зашёл, мол, в цех, а там плавильщик Вася выполнил месячный план на сто два процента. А вот, скажем, плавильщик Толя, который варил металл в соседнем цехе, — уже на сто десять.

Но сравнимы ли эти результаты, если, скажем, в одном цехе производится германий, а во втором титан?

Выходит, что соревнуются между собой не люди, а проценты, так ведь?

Между тем, развивал я свою мысль в выступлении, в нашем почти миллионном городе (а в те времена Запорожье уверенно шагало по населению к миллионному рубежу, как и Красноярск) нет ни одного человека, который бы не знал, что за продукция выпускается на титано-магниево-комбинате (школьники в те времена ещё не знали, что такое ЕГЭ, и живо интересовались окружающей жизнью. В том числе и тем, в каком году, скажем, Колумб открыл Америку или в каком году умер Шекспир).

Кому нужна такая секретность? Американцам?

Так они лучше нас осведомлены о всей номенклатуре выпускаемой продукции, и не на одном только нашем заводе. По-моему, это перестраховка... К тому же абсолютно ненужная и вредная для дела.

Потом я начинаю говорить о том, что в такой мощной и очень развитой у нас в стране отрасли, как цветная металлургия, явно не хватает общей для всех заводов и фабрик отраслевой газеты, потому что заводские многотиражки—это одно, а вот единая и «большая» газета для всех—это совершенно другое.

И краем уха при этом замечаю, что внимательно слушающий до этого мой предыдущий пассаж «отец алюминиевой индустрии России», а именно так иногда ещё называли Ломако, под чьим непосредственным руководством были созданы основные заводы алюминиевой промышленности страны, среди которых крупнейшие в мире Братский и Красноярский алюминиевые заводы, вдруг оживился, заулыбался и о чём-то стал оживлённо переговариваться с соседями по президиуму.

А я, проговорив всё это, сошёл наконец с трибуны и под аплодисменты зала теперь уже уверенно зашагал по проходу на своё место...

«А на другое утро он проснулся знаменитым...»

Почти что так. Не успел я позавтракать в гостиничном буфете и вернуться в свой номер—на сегодня у нас значилась развлекательная поездка по Москве,—как в дверь настойчиво постучали. И снова я услышал свою фамилию.

—Я приехал за вами,—с порога объяснился со мной, поздоровавшись, хорошо одетый молодой человек.—Пётр Фадеевич хочет пообщаться с вами отдельно. Машина внизу.

И вот в чёрной министерской «Волге» я мчусь по Москве, по Калининскому проспекту, называемому в обиходе «вставными челюстями столицы», и, махнув рукой на экскурсии, еду на встречу с министром. Какие тут могут быть экскурсии, когда тебя приглашает сам министр Пётр Фадеевич Ломако!

Слева и справа от меня мелькают в окне высотки, народу на улицах пока немного.

А вот и Министерство цветной металлургии СССР—оно располагается в такой же высоте,

как и все остальные, и пока мой провожатый вызывает лифт, я с любопытством кручу головой по сторонам. Ничего особенного, вполне рабочая обстановка. Министерство как министерство. Могли бы и поэкспериментировать с цветными металлами...

Входим в довольно просторный кабинет, и я вижу, как из-за внушительных размеров стола поднимается седовласый министр и, приветливо поздоровавшись, усаживает меня у маленького столика напротив. Пока нам подают наркомовский чай, печенье, конфеты, я отвечаю на его вопросы, стараясь не наговорить глупостей. Расспрашивает об отце, об учёбе в металлургическом техникуме, о моей работе на заводе «Запорожсталь» и искренне интересуется тем, почему я вдруг сменил так резко свою профессию—готовился стать металлургом, а стал журналистом.

Я честно на всё отвечал.

Поговорили о вчерашнем совещании редакторов многотиражных газет отрасли, о высказанных на нём мною предложениях, и мне стало вдвойне приятно оттого, что Пётр Фадеевич пообещал обязательно обсудить эти вопросы на коллегии министерства.

А потом, когда я почувствовал, что, в общем-то, пора закругляться—ну не может союзный министр так много времени уделять провинциальному газетчику, пусть даже он и из такого передового в те времена предприятия, как ЗТМК,—Пётр Фадеевич вдруг улыбнулся хитровато и, полуобняв меня за плечи, увлёк в сторону своего рабочего стола:

—А пойдём я тебя чем-нибудь отмечу...

Меня? За что?

Но это я сейчас задаю себе такие вопросы, а тогда достань, скажем, союзный министр из ящика своего стола слиток колымского золота—ей-богу, взял бы, не побрезговал...

Но Пётр Фадеевич вытащил на свет Божий маленькую красненькую книжицу, на обложке которой золотыми буквами было напечатано: «Отличник социалистического соревнования цветной металлургии СССР». И размашисто расписался под гербовой печатью—моя фамилия в документе уже была проставлена ранее...

Вернувшись домой из командировки в Москву, я бережно спрятал в своём архиве и это удостоверение, и полагающийся значок к нему, и, может быть, никогда бы не вспомнил про это, если бы не один случай. Правильно всё-таки заметил наш великий классик Антон Павлович Чехов, что если висит в первом акте пьесы на стене охотничье ружьё, то оно потом обязательно выстрелит.

Оно и выстрелило...

В 2001 году, когда я ещё работал в федеральной газете «Трибуна» (бывшей газете ЦК КПСС «Социалистическая индустрия»), сижу я в своём

рабочем кабинете и беседую с почётным донором СССР, сдавшим за свою жизнь шесть с половиной вёдер крови.

Шесть с половиной вёдер!

И, как всегда в таких случаях, начинаю с распросов о том, как он дошёл до жизни такой. Что ему, своей крови не жалко?

А он мне рассказывает о своей жизни. Родился тогда-то и тогда-то (мой год рождения, фиксирую машинально), окончил семь классов, затем горный техникум, геологоразведка. Уехал на Крайний Север, потом армия. Три года отслужил, снова туда. Заочно окончил институт, работал в Северо-Енисейском районе «по золоту». Вышел на пенсию. — Пенсия у вас северная? — скорее по привычке спрашиваю я, так как всё, что он мне только что говорил, словно на кальке снято с моей биографии. — Да нет, — отвечает. — В Красноярск я уже давно перебрался. Но северных надбавок вполне хватило для того, чтобы уйти на неё досрочно. Уже два года как на пенсии...

Ах ты, матка боска, какая тут кровь, какие доноры, когда у меня такая проблема? Быстро сворачиваю свой разговор, выпроваживаю своего гостя, а сам звоню в Пенсионный фонд Центрального района Красноярска. Как же так, почему не оформляете мне пенсию? Ведь у меня трудового стажа на две человеческие биографии!

И слышу в ответ, что это, оказывается, я должен был делать сам. Или моя редакция московская.

А вот в советские времена, скажем, у моего отца всё было по-другому...

Быстро готовлю необходимые документы и прямо-таки бегу в это богоугодное заведение. И вот тут судьба берёт и снимает со стенки ружьё. — А какие у вас есть награды? — интересуются в фонде (это чтобы заодно запустить процедуру с присвоением мне звания федерального ветерана труда).

— Юбилейные медали, почётные грамоты, дипломы, два знака «Ударник коммунистического труда»...

— Ну, знаки — это уже не то, — морщится недовольно пожилая пенсионная дама, и, видя это, я спохватываюсь:

— А у меня есть ещё знак «Отличник социалистического соревнования цветной металлургии СССР», а удостоверение к нему подписано самим министром, Ломако.

— Ломако? Это интересно... Если не факсимиле, а собственноручная подпись, то это весомее ордена!

И я достаю из широких штанин заветную красную корочку, и торжественно выкладываю её на стол. Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза!

Так Пётр Фадеевич Ломако сделал меня не только отличником соревнования, но и ветераном труда федерального значения.

В гостях у Кравчука

В то черныбыльское, 1986 года, лето на Украине была страшная жара. Спэка, как там говорят. На календаре начало июня, а деревья уже поспешно сбрасывали с себя листья, и в воздухе висело марево. Даже по утрам температурный столбик поднимался выше сорока градусов.

А мы как раз в это время вернулись в Запорожье из Балатона, где отдыхали после Воркуты, и почти безвылазно пропадали, ловя тепло, на местных водоёмах. Такой погоды в Заполярье не будет...

Как вдруг в один из отпускных дней приходит на моё имя телеграмма. Причём красная, правительственная!

«Уважаемый такой-то и такой-то, — читаю я её с удивлением, — просим срочно приехать в Киев, в цк КПУ, где Вам будет предложена работа в „Рабочей газете“».

«Рабочую газету», газету цк Компартии Украины, я хорошо знал, печатался, хоть и не часто, на её страницах до своего отъезда в Воркуту, но когда это было! Чего это они вдруг про меня вспомнили? — Нічого собі, — не менее меня удивился и отец, прочитав телеграмму. — А як же вони тебе знайшли? Ти ж в отпуску!

— А чёрт его знает... Спецслужбы, наверное.

Зато мать такому повороту событий искренне обрадовалась, так как спала и видела, что я опять вернулся на свою историческую родину и живу «десь від них близенько».

— От і гарно, будеш від дому недалеко, і нам легше, — запричитала она. — А то заїхав в свою Воркуту. Що ти там загубив?

Словом, на второй день я уже стоял на запорожском вокзале с билетом до Киева. И тут в мою мятущуюся душу закралось первое сомнение: вокзальный перрон был абсолютно пуст. Нет, проводница фирменного поезда, как обычно, стояла там, где ей и полагается, и, приветливо улыбаясь, приглашала в вагон.

Но в вагоне я был один!

Впрочем, в эту минуту с привокзальных репродукторов бодро ударил марш «Прощание славянки», и наш вагон, дрогнув, медленно покотился вдоль знакомых строений. Поехали!

— И що у вас так завжди пусто? — спросил я зашедшую в купе за моим билетом кондуктора.

— Та ні, — ответила она. — Це після Чорнобилю... Ніхто зараз до Києва не їде. Звідтіля тільки. За кілька місяців уже квитків нема...

— Та ви що! — не удержался я. — А я вот, дуринь, їду...

— Щасливої дороги!

Однако любопытство гнало вперёд, да и не станешь же выпрыгивать на ходу из поезда? А жара в вагоне была такая, что не спасала даже вечерняя прохлада. И только когда поезд вырвался наконец на простор, стало легче дышать...

В Киев мы прибыли наутро, в самом начале дня, и первое, что бросилось в глаза, так это накрытое белой простыней тело мужчины, лежавшего прямо на привокзальной площадке. Не выдержало, видимо, у человека сердце...

Но дальше я понял, что не только жара будет сопровождать меня на этот раз по столице Украины. На всех привокзальных улицах в это раннее утро уже вовсю хозяйничали оранжевого цвета поливальные машины и щедро орошали тротуары водой.

Хотят, что ли, освежить улицы перед рабочим днём?

Оказалось, что нет. Такие поливалки сейчас работали по всему Киеву, смывая водой с тротуаров и улиц графитовую пыль реактора. А ею были покрыты и дома, и деревья.

Чернобыль... Хотя с момента аварии на атомной станции прошло уже полтора месяца.

В редакции «Рабочей газеты» меня ждали, и, быстро расспросив, что и как, хорошо ли доехал, курировавший редакционную корсетку замредактора газеты вызвался меня проводить до ЦК КПУ: тут недалеко.

Едем пару кварталов на машине, людей на улицах почти нет, настроение рабочее. По дороге узнаю от него, что «сватают» меня на город Черкассы, что там уже готова к приёму нового корреспондента трёхкомнатная квартира.

Однако квартира была у меня и в Запорожье, её я забронировал, уезжая на работу собкором в республиканскую газету «Красное знамя» в Воркуту. Но почему бы не пообщаться с партийными работниками республики? Я с ними ещё не общался...

Вот и еду общаться.

И когда на огромной дубовой двери, высотой, наверное, метров с пять, я увидел медную табличку с надписью «Кравчук Леонид Макарович», то отреагировал на это только с любопытством. Кравчука я не знал...

Зато Леонид Макарович встретил меня как старый знакомый. Усадил радушно за такой же дубовый стол, налил полстакана холодной сельтерской воды.

Но я к ней не прикоснулся, а только быстро, чисто по профессиональной привычке, осмотрел кабинет, зафиксировав краем глаза, как медленно закрывается за моим уходящим спутником входная дверь. Ничего особенного, обычный кабинет отдела агитации и пропаганды. Ну, побольше, конечно, чем областной или в той же Воркуте.

А между тем опять этот разговор о том да о сём. Где учился, работал, почему оказался на Севере? — Так у нас же на Украине дышать же нечем, — связвил я. — В каждой строчке надо вставлять про ведущую роль партии. А я этого не люблю, я хочу поднимать в газете серьёзные проблемы, писать про людей, про то, что их волнует...

— И что, не давали писать?

— Да нет, писать-то давали, но не печатали. А на Севере печатают... И в газетах, и в журналах. Самая коммунистическая республика у нас Украина, Леонид Макарович!

— И разве это плохо?

— Да как вам сказать... Ленин, например, подобные вещи называл по-другому: политической трескотнёй. Потому что для того, чтобы бить себя кулаком в грудь, много ума не надо...

— А ты и Ленина читаешь?

(Вот мы уже и на «ты», мелькнуло у меня в голове, но внешне я на это не отреагировал.)

— Да нет, уже нет... Это из университетских лет осталось.

На столе у Кравчука появилась землистого цвета папочка— моё личное дело, видимо, скрупулёзно составленное в недрах этого массивного здания. Он что-то там полистал, почитал, потом снова меня спросил:

— А как ты относишься к нашей республике в сравнении с другими в Советском Союзе? Ты же поездил по России, многое видел... Не кажется ли тебе, что мы недополучаем за свой труд?

— Да вряд ли, я так не считаю... Я и в Череповце был, там такие же, как и у нас, заводы. Был на Урале, везде работают люди.

— Да я не о том, ты же понимаешь... Вот если бы мы отдельно существовали, было бы лучше или хуже?

— Ну, вы прямо, Леонид Макарович, как в той сказке про мужика, который попросил своих сыновей веник поломать, после того, как они легко сломали каждый в отдельности прутик. Конечно же, гуртом крепче!

— И я так считаю... А как ты относишься к бандеровцам, к повстанческому движению на Украине в годы войны?

— Плохо отношусь. Они моему отцу, когда он с боями продвигался на запад, в спину стреляли...

— Вот-вот, видишь, какие мы с тобой единомышленники... И ещё тогда один к тебе вопрос. Вот ты до десятого колена украинец (во служба у них работает, подумал я), и по отцу, и по матери, да и жена у тебя тоже украинка. И её родители украинцы. А чего ж вы детей так своих называли— Эрик, Кристина?... Это что, украинские имена?

— Ну какое это имеет значение, скажите мне, пожалуйста? Я что, лучше бы стал писать или думать, если бы они были Горпына и Тарас?

На это мы с Кравчуком дружно рассмеялись.

И в это время на столе у него зазвонил телефон. Он поднял трубку, что-то кому-то ответил, а потом, положив её обратно на аппарат, сокрушённо развёл руками. Надо, мол, уходить, дела... А так бы хотелось ещё поговорить.

Но я ему, честно говоря, не поверил и, покинув гостеприимный кабинет, как потом оказалось,

будущего президента Украины, разочаровано хлопнул себя по заднице. Стоило ради такого разговора прерывать свой отдых и приезжать в Киев? Вот уж действительно дурень...

Это уже сейчас, задним числом, я начинаю понимать, что тогда, ещё задолго до разрушения великой страны, на Украине, почувствовав безвольность Горбачёва, начали формировать контингент «своих» журналистов. И почему-то я со своим острым пером попал в их поле зрения.

Но—не «вписался»...

Однако мне-то зачем было приезжать сюда? Объяснить, почему я так назвал своих детей?

Впрочем, надо было ещё отсюда выбраться! Киев тем летом напоминал настоящую мышеловку. Люди всеми силами старались отсюда уехать, а вот приезжали в столицу Украины считанные единицы. Про ж.-д. вокзал и думать было нечего, это я сразу отнёс, автобус—тоже нереально, как и самолёт.

Что же делать?

Вспомнил про Днепр, и на речном вокзале мне действительно повезло: совершенно неожиданно для себя купил на завтра билет на «Ракету», а на ней от Киева до Запорожья рукой подать. Всего десять часов пути.

И следующим утром, в хорошем настроении, мчался я на «Ракете» в свой любимый город со скоростью семьдесят километров в час. В окошке мелькали города и сёла, проплыли величаво мимо Тарасова могила в Каневе, шлюзы водохранилищ, а когда на горизонте показались, наконец, Черкассы, я не удержался и вышел на палубу, подставив лицо свежему ветру и речным брызгам.

— Прощай, Антонина Петровна, неспетая песня моя...

По приезде дома сразу же столкнулся с отцом— он вышел во двор покормить собаку.

— Ну и як ти зїздив?

— Да ничего, всё нормально. Вызвали, чтобы узнать, почему я так своих детей назвал.

— Та ти шо...

Больше я о «Рабочей газете» ничего не слышал, да и в Киеве не бывал.

P. S. Чего нельзя сказать про Кравчука. Когда он только готовился стать президентом Украины, а Беловежская пуца была ещё впереди, то какой-то журналист в ходе предвыборных дебатов задал ему вопрос: а как, мол, вы, столько лет оттарбанивший на партийных постах, относитесь к сталинским репрессиям? Вы что, не ощущаете свою ответственность за них?

И знаете, что ответил мой визави?

— А я о сталинских репрессиях узнал только несколько месяцев назад, когда стали об этом открыто писать...

Я представил себе в этот момент его добродушное лицо, мягкое выражение глаз, доверительную улыбку и не мог удержаться от смеха. Я-то обо всём этом почему-то знал с детских лет, и не только от родителей. Он что, глухой или слепой?

А потом вспомнил нашу с ним мимолётную встречу и мысленно заплодировал кадровикам из ЦК КПСС: умели там, что и говорить, подбирать для страны руководящие кадры!